

«ИСКРА» О ВЕЛИКОМ ХУДОЖНИКЕ

Весной 1902 года Толстой жил в Кореизе, близ Ялты. Ленинская «Искра» не раз выступала в его защиту против царских вельмож и церковников. Присылала ему свои номера. Надежда Константиновна Крупская уточняла адрес Толстого, чтобы он мог получать газету. Лев Толстой был адресатом «Искры» по крайней мере с лета 1901 года. А «Искра» весной того же года в одном из своих номеров информировала читателей о том, что рабочие «ходили к дому Толстого приветствовать отлученного синодом». В газете сказано, что писатель «говорил народу речь». Лев Николаевич сочувственно отозвался о недавних забастовках.

Характерна оценка «Искры»:

«...В «сердце России»... тысячи рабочих приветствовали великого борца против православного мракобесия».

В № 4 за 1901 год был опубликован адрес «прохоровцев» (нынешняя «Трехгорка»), врученный Толстому. Великому русскому писателю, «отлученному» от церкви, московские ткачи писали, что слово его «не на бесплодную почву упало». Народ верил Толстому. Корреспондент «Искры» из Полтавы в феврале 1902 года писал: «...В городском театре шла «Власть тьмы»... посыпался дождь разноцветных листовок с портретом Толстого». Этот же корреспондент сообщает, что в продолжении нескольких минут раздавались возгласы из публики: «Да здравствует свобода!»

В другом из своих номеров «Искра» сообщила, что толстовское «Письмо к фельдфебелю» в большом ходу у казаков Забайкальского войска.

Это лишь небольшая часть материалов на тему «Искра» и Толстой». Но даже из этого видно, как тесно имя великого русского писателя было связано с большевистской газетой.

М. КАПЛУНОВ,
А. СОЧИНСКИЙ.

СЕЛА-ПОБРАТИМЫ

В болгарском городе Силистра в живописном парке на берегу Дуная стоит скульптурный бюст Л. Н. Толстого — свидетельство пребывания великого русского писателя в Болгарии. На рубеже лета 1854 года молодой офицер русской армии Л. Толстой побывал в этом придунайском городе.

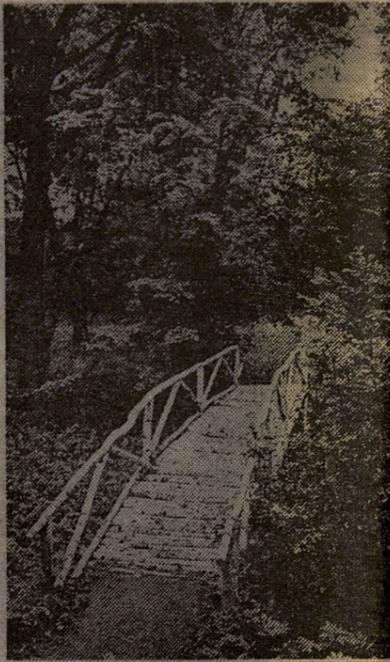
Толстовская скульптура в болгарской Силистре — одна из примет всенародного почитания гения русской литературы в братской стране. Произведения Л. Н. Толстого давно нашли пути-дороги к сердцам болгар. Один из первых зарубежных переводов «Войны и мира» был осуществлен в Болгарии. На болгарской сцене вот уже много десятилетий ставятся пьесы «Власть тьмы», «Живой труп», «Плоды просвещения»...

В личном архиве Л. Н. Толстого свыше ста писем из Болгарии. Немало их авторов побывало в гостях у великого русского писателя. Одним из первых болгар, посетивших толстовскую Ясную Поляну, был сотрудник журнала «Возрождение» Христо Досев. Сохранилось фото: Л. Н. Толстой и его друг из болгарской Ясной Поляны. Да, в Болгарии вот уже более 70 лет существует село с таким названием. Болгарские почитатели таланта Толстого — небольшая группа интеллигентов в селе Алан-Кайрак Бургасского округа ставили пьесы русского писателя, наладили выпуск литературного журнала «Возрождение». Связи между двумя селами — болгарским и русским — стали такими дружескими, что Алан-Кайрак неофициально называли Ясной Поляной. В середине тридцатых годов оно было названо Ясной Поляной официально.

Трудовое крестьянство Ясной Поляны одним из первых в Болгарии объединилось в кооператив. Теперь Ясная Поляна — центр большого агропромышленного комплекса «Крайморие». Дружеские связи между двумя Ясными Полянками продолжают.

Братская Болгария широко отмечает 150-летие со дня рождения Л. Н. Толстого. Много различных культурных мероприятий в Софии, Силистре, бургасской Ясной Поляне, в других городах и селах страны посвящены «толстовским дням».

Н. ПАНИЕВ,
соб. корр. «Известий»,
СОФИЯ.

Есть одна хрестоматийная фраза, не раз припомненная теми, кто бывал на благословенной яснополянской толстовской земле.

Фразу эту он написал сам, и она исчерпывающе точно в единственности ощущения Родины. «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней. Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его».

Он прожил здесь, уезжая и возвращаясь вновь, больше чем полвека. Пешим, конным, исходил и изъездил эту землю до последней пяди, замечал каждую травинку и дерево, различал все голоса птиц, знал токи вод, и всю свою любовь и сопричастность к этой земле доверил слову, возвеличившему и Ясную Поляну, и родной наш язык, и саму Родину.

У каждого это чувство Родины свое, но после знакомства с Толстым оно уже немислимо без Ясной Поляны — без ее дали, воздуха и всего того, что и спустя семь десятилетий после ухода Толстого из Ясной Поляны живо связано с его именем, личностью, судьбой. Бытом и бытием.

ДАЛИ ЯСНОЙ ПОЛЯНЫ

Когда-то, составляя книгу по географии для детей, Лев Николаевич очень просто написал, что если пойти на восток, перейти речку Воронку и пойти еще дальше, через Епифань, Моршанск, Пензу, то, переплыв море, можно попасть в Америку, а продолжая путешествие и обогнув весь земной шар, вернуться с другой стороны к берегам той же Воронки. В простоте этой гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд. Мир не сжимался для него до пространств Ясной Поляны, но он вмещался сюда со всеми своими радостями и горестями. Отсюда, из Ясной Поляны, он обозревал этот мир и населял его героями, которых тому не хватало. Отсюда начинали свое путешествие по земле его книги.

Через речку Воронку, через засечные леса, через тихие пруды. Через боль, гнев и сострадание художника, ощущающего все несправедливости общественного устройства и трагически ищущего законы гармонии.

И когда осознаешь, что многие герои Толстого пришли в нашу жизнь отсюда, что тут витает их гордый дух, как и дух самого автора, то совсем по-иному воспринимаешь окружающие картины природы.

Как принято в мемориальных музеях и парках, то там, то здесь расставлены таблички с отрывками из произведений писателя, говорящего именно об этом луге, об этом «прешпекте», об этом пруде и дороге, кроме леса за ними. Но дело вовсе не в цитатах и не в этой наглядности. Можно не помнить наизусть описание сцены охоты или косябы, но, оказавшись тут, нельзя не понять, что до пронзительности здесь все знакомо и близко.

Не конкретностью узнавания. Узнавание и срывание покровов тайны над миром было его уделом. Но то, что пришло в тебя благодаря его художественному гению и как бы стало твоим, вновь возникает в Ясной Поляне со всей остротой сопереживания и нового открытия.

Здесь все дышит Толстым, но странное чувство: даже некоторая растерянность посещает тебя, когда видишь такое обилие вещей и предметов, которых касался Толстой. Эти бесконечные ряды книг, что прочел он и читал всю жизнь. Этот кувшин, это перо, эта лампа, эта трость-табуретка, с которой ходил пешком в Москву. Сотни, многие сотни вещей — простых, как проста любая вещь, пока не ощутишь ее смысл в ряду других. А у Толстого эта простота ошарашивает, ибо невозможно представить музеем то, что окружает тебя.

Оттого, наверное, так задумчивы и тихи здесь люди. Они внимают присутствию Толстого в этом доме, в этих комнатах, бывших ему кабинетами, где писал он великие свои шедевры.

Однажды Пушкин назвал своим кабинетом Михайловское. Таким же кабинетом была для Толстого Ясная Поляна.

Нам посчастливилось бывать тут в разное время года. Зимой, когда все укутано снегами и расчищены лишь аллеи и холм на краю оврага старого Заказа, где зарыта заветная зеленая палочка и где зеленым лапником скромно обозначено последнее прибежище Толстого. Жарким летом, когда все дрожит в мере и нега разлита в лугах и зацветающих прудах.

В последний раз в Ясной Поляне шел дождь. И оказался он так мил сердцу, потому что в хмари этой, столь привычной среднерусскому лету, по-особенному зазеленели листья деревьев и, омытые росой дождя, ожили яблоки в саду, который когда-то сажал сам Толстой, и глина налипала на ноги, и березовая скамейка, на которой любил он отдыхать в затененной аллее, засияла, будто только что срубленная. Дождь омыл все, и никто не ушел с аллеи и дорожек яснополянского парка. Дождь — это жизнь, не музей, и он еще больше сближал с Толстым.

Веками текла жизнь в этих местах. И не было еще усадьбы, а вилась по холмам старая киевская дорога, которая видела ратников разных эпох. Лев Нико-

лаевич Толстой, поселившись здесь, любил выходить к этой дороге. Он видел тут Россию, как видел ее вокруг себя в окрестных деревнях, зная, что такое соха земледельца и лопата землекопа. Зная, что такое неурожай и голод, нищета и смерть. Он мучительно переживал противоречия мира и истязал себя противоречиями собственными.

А в результате и сам стал миром, космическим измерением человеческого гения.

Едут в его Ясную Поляну отовсюду. Кого только не увидишь здесь, каких только языков не услышишь. Приходят к старому Заказу невесты в белых платьях и белобородые старцы, похожие на него самого. И стоят недвижимо у земли, которая взрастила его, взлелеяла и навсегда осталась его землей, — так, как он хотел.

Родина души? Титанического таланта? Любви? Жизни?

Просто Родина, требующая только одного — того пристрастия, о котором сказал Толстой, с которым он прошел по жизни, по всему белому свету, не уходя никогда отсюда надолго.

И всегда возвращаясь. Через росный луг, через засечные леса, через речку Воронку...

Ал. АВДЕЕНКО.

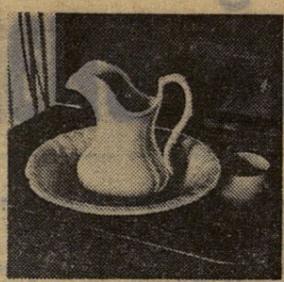
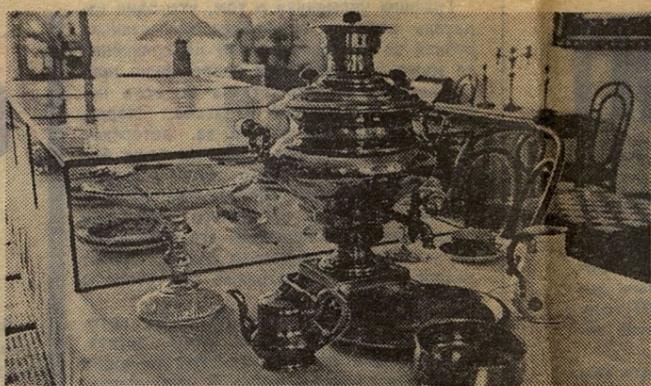
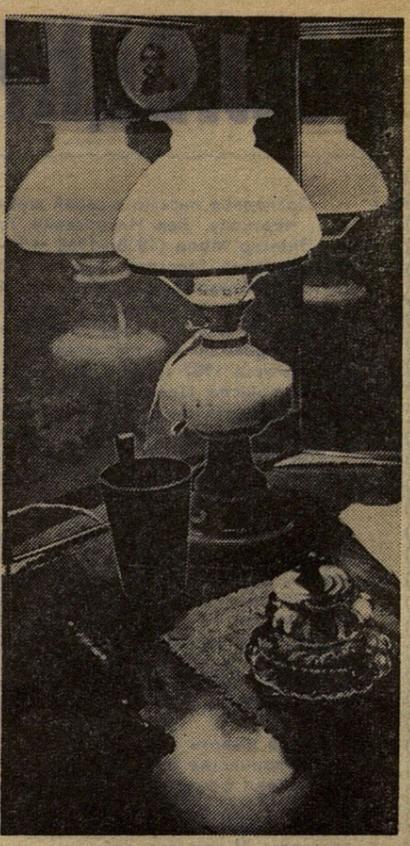
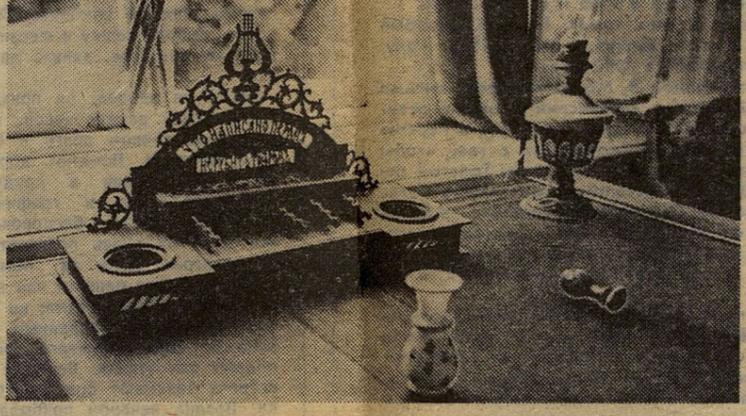

Фото В. Ахломова.

По этому мосту Толстой ходил через овраг, за этим столом сидел, в этот кувшин наливал воду, в эту чернильницу опускал перо, эту лампу зажигал по вечерам. В этом доме жил. Все в Ясной Поляне наполнено присутствием великого писателя.

ПИСЬМА О ТОЛСТОМ

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

22 апреля 1908 года мой отец Н. В. Лишев и его сестра — моя тетя О. В. Лишева были осуждены киевским военно-окружным судом соответственно на 6 лет и 4 года каторжных работ за принадлежность к киевской военной организации, работавшей среди солдат отдельного саперного батальона.

28 апреля мой дед — полковник артиллерии Виктор Александрович Лишев, служивший на пороховом заводе в Шойке Черниговской области, написал письмо о Л. Н. Толстому с просьбой похлопотать в Петербурге об отмене приговора. В 78-м томе академического собрания сочинений писателя напечатаны два письма Толстого, принявшего живое участие в судьбе моего отца и его сестры. В письме к деду Лев Николаевич пишет, что постарается сделать все возможное, чтобы облегчить судьбу заключенных. А в письме к члену Государственной думы М. А. Стаховичу Толстой просил о смягчении приговора.

Отцу в смягчении приговора было отказано, а тете четыре года каторжных работ заменили ссылкой в Сибирь. Отец же отбывал свой срок в киевском Лукьяновском центральном, смоленской каторжной тюрьме, а в конце 1911 года за связь с волей был помещен в Шлиссельбургскую каторжную тюрьму, где томился еще два года. После он был отправлен в ссылку в Сибирь, бежал оттуда в Швейцарию, работал строительным рабочим. Там я родилась. После февральской революции мы возвратились на Родину. И до конца дней своих отец работал в горной промышленности. Как драгоценнейшую реликвию я храню «Курс физики», который отец изучал в Шлиссельбургской одиночке. На первой странице книги стоит штамп: «Просмотрено — Шлиссельбургская каторжная тюрьма».

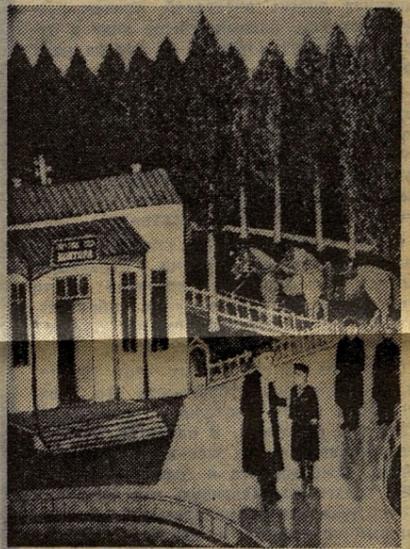
Бежала из ссылки в Швейцарию и моя тетя, также вернувшись в Москву только после революции. Больше шести десятилетий прошло с той поры, но разве возможно забыть о том, что в судьбе совсем незнакомых ему людей такое живое участие принял великий Толстой. Семья наша всегда вспоминала об этом с гордостью.

О. ЛИШЕВА-ПУХТИНСКАЯ, пенсионерка.

КНЕВ.

70 ЛЕТ СПУСТЯ

Весной 1906 года в дагестанском ауле Ашага-Цините во время национального праздника по трагической случайности был убит юноша. В этом убийстве обвинили Магомеда Эфендиева — тогда пятнадцатилетнего моего дядю. Очень скоро выяснилось, что к этому инциденту Магомед не имеет никакого отношения, но тем не менее он был осужден на 12 лет лишения свободы и выслан под надзор поли-

ции в Тульскую губернию. В уездном городе Крапивна его принял городской голова Юдин, сразу понявший, что прямой и открытый горец не мог совершить преступления, в котором его обвиняли. Юдин хорошо был знаком со Львом Николаевичем Толстым, и вскоре Магомед впервые увидел великого писателя. Толстой заинтересовался судьбой юноши и, узнав, что тот неграмотен, выразил горячее желание обучить его письму и чтению. Юного ссыльного перевели в Ясную Поляну, и уроки ему стали давать Татьяна Львовна, старшая дочь писателя, доктор Душан Петрович Маковицкий, яснополянский учитель. Вернувшись из Парижа, уроки рисования Магомеду преподавал Лев Львович Толстой. А сам Лев Николаевич, следивший за успехами горца, подарил ему массивную чернильницу, с которой дядя не расставался до конца своей жизни и даже никому не позволял брать ее в руки.

После смерти Толстого тульский губернатор вновь отозвал Эфендиева под надзор полиции, но по просьбе Софьи Андреевны Толстой Магомеда взяла на поруки наследница А. В. Суворова Л. В. Хитрово. В ее новгородском имении Кончаковском Магомед прожил до 1916 года, а на следующий год вернулся в родной Дагестан. Он прожил большую и интересную жизнь, начало которой было озарено великой заботой Толстого. Именно благодаря ему дядя узнал грамоту, стал образованным человеком, что позволило ему отдать все свои силы процветанию родного края. В течение долгих лет Магомед Эфендиев находился на руководящей советской и хозяйственной работе, избирался депутатом местных Советов.

Еще в 1908 году по совету Татьяны Львовны Толстой Эфендиев начал вести дневник, в котором коротко записывал все, что видел и слышал в Ясной Поляне. Дневник этот стал основой книги, изданной в 1964 году в Дагестане под названием «Я знал Льва Толстого и его семью».

У дяди сохранились рисунки его детских лет. Конечно, они наивны, но все

же представляют собой известную ценность, так как писаны были с натуры. Одну из репродукций я посылаю в «Неделю». Назвал картину Эфендиев «Первая встреча Магомеда с Толстым около почтовой конторы на железнодорожной станции Щекино». Было это в 1907 году.

Муса ЭФЕНДИЕВ, журналист.

МАХАЧКАЛА.

СИБИРСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ПИСАТЕЛЯ

Львом Николаевичем Толстым написано о Сибири не так уж и много, но он всегда интересовался этим краем, штудировал книги о Сибири, переписывался с «невольными сибиряками» — политическими ссыльными. Судьба двух его корреспондентов особенно заинтересовала меня, это о них писатель сказал: «Два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне мое мировоззрение». Этими людьми были два сибиряка, философы-самоучки Тимофей Михайлович Бондарев и Василий Иванович Ермохин, наши земляки.

Служа в армии, Бондарев высказывал недовольство солдатской службой и жизнью, за что был зачислен в разряд неблагонадежных, а затем приговорен к сибирской ссылке, поселен в деревне Иудино Минусинского округа Енисейской губернии. Здесь, занимаясь сельским хозяйством, в свободное от работы время написал «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство». Рукопись попала к Л. Н. Толстому.

Ознакомившись с рукописью, Л. Н. Толстой заключил, что «труд Тимофея Михайловича Бондарева кажется мне замечательным и по силе, ясности, и простоте языка и искренности убеждения, видного в каждой строчке, а главное по важности и глубине основной мысли».

Лев Николаевич деятельно участвовал в опубликовании рукописи Бондарева. Она была напечатана на французском, а в 1906 году на русском. В одном из писем Толстого к Бондареву говорится: «Книгу вашу на французском языке пришлось на днях. Она осталась в деревне, а я теперь в Москве».

В другом письме Толстой пишет: «Тимофей Михайлович, напрасно думаешь, что книга твоя спорчена. Переведена она на французский язык прекрасно и читается очень хорошо... от души желаю тебе душевного спокойствия. Любящий тебя брат Лев Толстой. 11 сентября 1899 года».

В деревне Иудино крестьяне, желая обучать своих детей грамоте, решили открыть школу, а учителем пригласили наиболее грамотного поселенца Бондарева. Так Бондарев стал учителем крестьянских детей и занимался этим в течение тридцати лет, заслужив внимание и благодарность сельчан.

Советская власть по достоинству оценила заслуги Т. М. Бондарева. Деревня Иудино переименована в село Бондарево. На могиле покойного установлен памятник.

Другой незаурядной личностью, которой интересовался Толстой, был наш земляк Василий Иванович Ермохин, колесник, работавший в мастерской у предпринимателя Алиева в Новониколаевске. Ермохин переписывался с Толстым, бывал у него в Ясной Поляне, посылал ему свои рукописи.

О чем же писал наш земляк в своих трудах? В первой статье Ермохин обвинял царские власти за расправу над восставшими против самодержавия, помещиков и капиталистов, во второй статье он клеймил разврат и разложение в обществе, доказывая, «что человек, отказываясь от земных радостей, может и должен быть чистым и возвышенным...»

Толстой быстро ответил на письмо и рукописи. 13 августа 1910 года он писал: «Прочел с большим интересом ваши две статьи. Особенно понравилась мне о безбрачии. С мыслями, выраженными о смертной казни, я вполне согласен, но в ней нет той цельности, которая есть в статье о безбрачии. Вижу, что мы с вами одних и тех же взглядов, и мне всегда приятно быть в общении с такими людьми».

Поскольку Ермохин проживал в нашем городе, мы решили разыскать его родственников. На Октябрьской улице в одной из квартир мы побывали у потомков Ермохина, встретились с его сыном, 75-летним Степаном Васильевичем, и 73-летней дочерью Марией Васильевной. Оказалось, что Степан Васильевич в свое время с отцом побывал в Ясной Поляне, где гостили они три дня.

Ермохин, работая в экипажной мастерской, вместе с другими рабочими города в 1905 году принимал участие в демонстрациях, ходил на митинги, маевки. На квартире у него была библиотека, в которой имелись произведения Толстого, сочинения по философии, истории. Эта и другая нелегальная литература хранилась в тайнике. Читать ее давал Ермохин только надежным рабочим. Об этом было известно квартальному, который иногда заходил в квартиру колесника Ермохина. Полиция пронюхала, что у Ермохина хранятся не дозволенные книги. Вскоре был произведен обыск. Все книги и рукописи, письма попали в полицию. Много раз Ермохин ходил в участок, пока ему не удалось вырвать некоторые письма Толстого из рук полиции, но многое исчезло.

Мы поинтересовались судьбой рукописей Ермохина, а также письмами Толстого к нему. По словам Марии Васильевны, все бумаги хранились у младшей дочери Евдокии, которая после учебы работала в органах юстиции. Когда началась Великая Отечественная война, Евдокия Ермохина служила в военной прокуратуре Ленинградского гарнизона и погибла во время налета вражеской авиации. Адрес ее квартиры был неизвестен. Погибли и рукописи, и письма.

П. ВОЙТИК, кандидат технических наук. НОВОСИБИРСК.